

УДК 217:323.28:616.89-02

ПСИХИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ – ФОРМА НЕСМЕРТОНОСНОГО ОРУЖИЯ

© 2005 г. П. И. Сидоров

Северный государственный медицинский университет, г. Архангельск

На основании анализа литературы и собственных исследований систематизированы факторы ментальной экологии, выделены уровни социогенеза социально-стрессовых расстройств, типы и характеристики основных социальных групп. На модели деятельности тоталитарных культов показаны масштабы психического терроризма, описаны стадии взаимодействия с психоманипулятором и особенности скрытой психологической виктимности неофитов, выделены механизмы воздействия на личность и условия высокой толерантности к попыткам вовлечения в культы. Предложена модель и основные маршруты развития культового зависимого поведения. Обосновано отнесение деятельности тоталитарных культов к психическому терроризму как форме несмертоносного оружия массового поражения. Выделены основные формы и характеристики современного терроризма. Систематизированы психотравмирующие эффекты несмертоносных технологий, характеристики несмертоносного оружия и области его применения. Обосновано отнесение психического терроризма и информационно-психологической агрессии к предмету социальной психологии и социальной психиатрии.

Ключевые слова: вера, религия, церковь, терроризм, психологический терроризм, несмертоносное оружие, психологическое оружие, психологические войны.

У всех народов и во все времена вера выполняла функцию стабилизатора структуры личности и вектора стиля жизни. Наполняясь определенным мировоззренческо-идеологическим содержанием, она становилась религией. И наконец, религия, воплощаясь в конкретном структурно-функциональном институте, становилась церковью.

Известно, что народы многих государств имеют свою традиционную религию, которая в ряде стран пользуется даже статусом государственной. Роль религии в формировании мировоззрения, в определении моральных и нравственных норм общества, в создании стабильной духовной атмосферы жизни государства общепризнанна. Однако состоявшейся тенденцией стал темп роста новых религий, опережающий темп роста традиционных конфессий.

Аксиомой является и то, что социальные катаклизмы, приводящие к разрушению сложившихся устоев, сопровождаются и дестабилизацией духовной жизни.

Можно выделить следующие факторы ментальной экологии современного общества:

1. Уплотнение информационной среды (каждые 18 месяцев объем информации удваивается).
2. Нарастание некомпетентности населения в условиях информационного взрыва.
3. Глобализация идеологической агрессии и геополитического противостояния.
4. Поточно-конвейерное производство массовой культуры и культуральная дезориентация.
5. Рост маргинальности, утрата социальных связей и отчуждение.
6. Высокие темпы роста криминальной субкультуры, увеличение объема психического насилия как средства совершения преступлений.
7. Психологическая неграмотность населения как предпосылка любых манипуляций.
8. Доступность психотехнологий и широкое бизнес-консультирование.
9. Истеродемонический ренессанс, проявляющийся индустриализацией деятельности разнообразных медиумов и экстрасенсов.
10. Отсутствие эффективных и доступных институтов психогигиены и психопрофилактики.

Все это нередко приводит к образованию духовного вакуума, который заполняется «хаосом новой духовности». Эту новую духовность или экспортируют зарубежные религиозные организации, или она формируется различными культовыми группами. Такие чуждые духовным традициям данной страны религиозно-культовые организации обычно называют сектами, хотя юридически нормативного понятия «секта» нет.

Более того, это понятие содержит в себе столько смысловых противоречий и разночтений, что его употребление целесообразно ограничить. В связи с этим было предложено новое обозначение — культовые новообразования, неокульти, которое содержит отличительные от сект прежних времен черты. Наилучший критерий, позволяющий отличить секту от традиционных религий, — это использование сектой веры для достижения целей, не имеющих ничего общего с духовностью: деньги, личные амбиции, политика [11].

В социогенезе любых форм зависимого поведения можно выделить четыре основных уровня причинных комплексов:

- макросоциальный, включающий особенности социально-экономического положения в стране и социальной политики государства;
- мезосоциальный, включающий этнокультуральные и социальные особенности конкретного города и района;
- миллисоциальный, предопределенный особенностями стиля и уровня жизни семьи, трудового или учебного коллектива, неформальных групп;
- микросоциальный, включающий особенности структуры, а также нравственно-ценностную и мотивационно-установочную сферы личности [10].

На максимальном уровне обобщения выделяется три основных типа социальных групп [8]:

Культуральные — национальные, имущественные, религиозные, территориальные, мировоззренческие, виртуальные, половозрастные, локально-временные группы, а также творческие союзы, художественные течения, клубы, общественные организации и движения.

Паратоталитарные — политические (партии, профсоюзы), корпоративные (фирменные, монопольные, спортивные), криминальные, элитные (финансовые, военные, академические и т. п.), а также подростковые сообщества (неформальные объединения).

Тоталитарные — псевдорелигиозные, коммерческие (наркосообщества, экспансионизирующие маркетинговые сети), оккультные (парапсихологические, магические и т. п.), апокалиптические (катаклизматические, сайентологические, уфологические), а также радикальные и экстремистские партии, террористические организации.

Ведущими характеристиками или векторами, по которым возможна дифференциация выделенных групп, являются: 1) возможность саморазвития и самоорганизации; 2) общность мировоззрения; 3) стереотипизация стиля жизни; 4) контроль властвующей верхушки; 5) иерархизация отношений; 6) жесткость кодекса поведения.

В последнее время в России на фоне известных социальных потрясений обозначилось огромное, исчисляемое тысячами количество разнообразных неокульти (сект).

Выделяют четыре основные группы сект, действующих в России: обрядовые, мистические, рациона-

листические и тоталитарные (табл. 1). Обрядовые секты характеризуются прежде всего особенностями в проведении религиозных обрядов, отражающих суть данного религиозного учения; в мистических же наибольшее внимание уделяется особым символам, образам, формирующим атмосферу загадок и тайн. Источником вероучения рационалистических сект признается Евангелие, которое зачастую трактуется извращенно, в соответствии с желаниями сектантского лидера; в тоталитарных человек оказывается полностью подчиненным лидерам секты и утверждаемым ими догматам.

Таблица 1
Классификация сект, действующих в России

Группа сект	Примеры
Обрядовые	Баптисты, старообрядцы
Рационалистические	«Источник жизни»
Мистические	Скопцы, пятидесятники
Тоталитарные	«Аум Синрикё», «Свидетели Иеговы», «Церковь Христа»

Не пытаясь останавливаться на характеристике отдельных групп (это область религиоведения), подчеркнем лишь, что сейчас с новой актуальностью возник биоэтический аспект психотерапевтической деятельности, когда во главе неокульта оказывается профессиональный сертифицированный психотерапевт (Е. Трофимчук из Новосибирска). Ранее [11] мы уже рассмотрели психолого-психиатрические аспекты вовлечения в неокульти и методы медико-социальной помощи адептам. Здесь (схема) обобщенно и несколько условно представлена динамика вовлечения человека в секту.

Чаще всего причинами нарушения привычного стиля жизни являются разнообразные внешние кризисные ситуации: тяжелая болезнь, смерть близких, потеря работы и т. п. В норме человек находит ресурсы и возможности для сохранения адаптивного поведения и преодоления трудностей. Другое дело, когда внешние факторы совпадают с определенной внутренней психологической предрасположенностью.

Внутренние факторы — это особенности личности и психики индивидуума, которые могут как оставаться в пределах нормы (психологические особенности), так и выходить за их границы (психопатологические особенности). В первом случае речь идет о таких качествах и чертах личности, как застенчивость, доверчивость, потребность в самоутверждении (характерная для юношеского возраста), разочарование в культурных ценностях. Во втором случае приобщение к секте определяется мотивами и стремлениями определенных психопатологических типов личности: истероида привлекает возможность транса, мистических переживаний; депрессанта — мотив страдания, жертвенности; параноика — идея ненависти к врагам веры; лиц нарциссического поведения — идея исключительности и привилегированности.

Указанные факторы могут действовать как изолированно, так и совместно, но в любом случае их воздействие приводит к нарушению стереотипа поведения человека и развитию дезадаптации. Прежние поведенческие адаптационно-приспособительные реакции (психоэмоциональные проявления, привычки, формы общения) оказываются недостаточными для обеспечения индивидуума необходимым душевным комфортом. Несостоятельность прежнего стереотипа поведения приводит к возникновению душевного вакуума — состоянию психической незащищенности. Со временем человек может справиться с возникшими проблемами, но может приобрести и другие поведенческие адаптивно-приспособительные реакции с формированием нового стереотипа поведения. Возможен и вариант, когда психологически незащищенная личность попадет под влияние умелого манипулятора. Это и реализуется в сектах, где в роли последнего выступает ее лидер. «Учитель» наполняет человека «спасительными» религиозными учениями, постепенно разрушая и практически уничтожая его естественную индивидуальность.

Вербовка чаще всего бывает успешной только при наполнении ее определенным психотерапевтическим содержанием, значимым для объекта воздействия. В 80-е годы прошлого столетия Американский семейный фонд, учрежденных для борьбы с сектантством, предложил четыре признака вербовщика (психоманипулятора):

1. Это *самый дружелюбный* человек, которого вы когда-либо встречали.
2. Это человек, *слишком заинтересованный* в том, что вам, как он выяснил, нравится делать.
3. Это тот, кто *осыпает вас комплиментами* и похвалами, в то же время хладнокровно оценивая, что у вас есть из того, чем вы можете ему пригодиться: энтузиазм, энергия, интеллектуальная сила, деньги, квартира и т. д.

4. Это тот, у кого *есть ответы на все вопросы*. Ирония истории состоит в том, что сегодня бренд Американского семейного фонда захватила и эксплуатирует в своих целях секта мунистов.

Дезадаптация может приводить к развитию социально-стрессовых расстройств, требующих квалифицированной психологической коррекции или психотерапевтической помощи [2]. В случае же вербовки развивается культовый вариант зависимого поведения (см. схему).

Можно выделить следующие стадии взаимодействия с психоманипулятором:

- привлечение внимания;
- вовлечение в процесс взаимодействия;
- эксплуатацию неопитов;
- порабощение с выраженными изменениями психоэмоциональной сферы.

Особо необходимо подчеркнуть, что психологическая виктимность адептов тоталитарных неокультов носит скрытый характер. В силу манипулятивности воздействий жертва таковой себя не воспринимает. Можно выделить виктимность *личностную*, predeterminedенную психологическими особенностями, *ролевою*, связанную с рекрутированием в культы (в основном молодежи), и *ситуационную*, возникающую в силу стечения случайных обстоятельств.

Непатологическое культовое зависимое поведение характеризуется подчиненностью собственных интересов интересам секты или ее лидера; длительной фиксацией внимания на культовой деятельности; снижением способности контролировать вовлеченность в сектантскую деятельность; несамостоятельностью и пассивностью в выборе стратегии поведения.

Важным условием развития любого варианта зависимого поведения (в т. ч. культового) является зависимая личность вне личностного расстройства, характере-

Развитие зависимого культового поведения

ризующаяся инфантильностью, внушаемостью и подражательностью, прогностической некомпетентностью и сниженной интуицией, ригидностью и упрямством, наивностью и простодушием, чувственной непосредственностью, любопытством и высокой поисковой активностью, максимализмом и эгоцентризмом, яркостью воображения и фантазией, впечатлительностью и нетерпеливостью, склонностью к риску, «вызову опасности», страхом быть покинутым.

К признакам патологического зависимого поведения В. Д. Менделевич [7] относит наличие эпизодов измененных состояний сознания при реализации зависимости, непреодолимость зависимости, стереотипизацию поведения, синдром отмены.

Зависимые личностные расстройства по МКБ-10 характеризуются неспособностью самостоятельно принимать решения, готовностью позволять другим принимать значимые решения, затруднениями начать какое-либо дело самостоятельно, готовностью добровольно выполнять неприятные работы с целью приобрести поддержку, плохой переносимостью одиночества, ощущением беспомощности, когда рушится близкая связь, охваченностью страхом быть отвергнутым, легкой ранимостью и податливостью любой критике.

Человеческий социум манипулятивен по своей природе, поэтому понятны непрекращающиеся попытки дискуссий со стороны ангажированных тоталитарными культурами «независимых экспертов» по поводу клинической реальности и академичности терминов «промывание мозгов» и «деструктивный (культульный) контроль сознания (личности)». Термин «промывание мозгов» предложил в 1951 году журналист Эдвард Хантер, буквально переведя это слово с китайского hsi paо (промывать мозги), чтобы описать процесс быстрого принятия прокоммунистической идеологии и мировоззрения американскими военнослужащими в северокорейских концлагерях. Деструктивный контроль сознания, в отличие от «промывания мозгов», осуществляется без физического принуждения и насилия. Р. Лифтоном [17] обоснованы его критерии: средовый контроль, мистическое манипулирование, невыполнимое требование чистоты, культ исповеди, сверхценная священность учения, внедрение «новояза», убеждение, что доктрина выше личности, разделение существования (право на жизнь и развитие имеют только культисты).

Прошедший через секту мунистов и сумевший выйти из нее С. Хассен [12] определил деструктивный культ как авторитарную иерархическую организацию, которая практикует обманную вербовку и контроль сознания. К характеристикам контроля сознания он отнес тонкость и изощренность, сотрудничество и добровольное участие, восприятие наставников вначале как друзей (в этом отличие от «промывания мозгов»), создание новой идентичности (личности). Сферами контроля сознания, по С. Хассену, являются поведение, информация, мышление, эмоции.

Представляется возможным выделить следующие механизмы воздействия на личность в тоталитарных сектах, приводящие к ее деформации:

Монологичность — однонаправленность воздействия и исключение альтернативных источников информации.

Мифологичность — эксплуатация проверенных мифологических схем.

Эмоциональность — компенсация не полученного в миллитоциуме эмоционального тепла и «бомбардировка любовью» в культе.

Коллективизм — использование групповых форм само- и взаимоиндукции.

Контраргументация — опережающее внушение контраргументов на возможные возражения.

Интолерантность — стимуляция внушаемости на фоне психофизиологического истощения.

Селективность — рекрутирование неофитов из числа дезадаптированных и дефицитарных (зависимых) личностей.

Манипулятивность — использование технологий эффективного суггестивного влияния.

Паранормальность — эксплуатация вымышленных достижений на основе вневещественного опыта.

Ритуалистичность — создание экзотических культовых поведенческих стереотипов и «новояза», облегчающих тотальный контроль личности.

Патогенезу зависимого поведения предшествуют обратимые и коррегируемые этапы социогенеза и психогенеза зависимости, наполняющие ее конкретной психосоциальной феноменологией (см. схему).

Траектории и маршруты как вовлечения в секту, так и выхода из нее, безусловно, очень многовариантны. Но постоянной чаще всего остается структура зависимой личности, у которой можно изменить лишь тактический вектор актуальной зависимости.

В современном мире насчитываются десятки тысяч тоталитарных сект: Бразилия — 4 100, США — 3 000, Россия — 2 500 (состоит около 1 млн человек), Великобритания — 2 000, Италия — 400, Дания — 300, Бельгия — 150 и т. д. Оценивать их агрессивную деятельность необходимо с позиций психического терроризма.

Можно выделить следующие общие характеристики деятельности тоталитарных сект и террористических организаций:

- Сильную антигосударственную направленность (запреты на участие человека в жизни государства и общества).
- Жесткую иерархичность организации с безоговорочным подчинением лидеру.
- Сходство в источниках финансирования (внешнее финансирование из-за рубежа, часто через различные фонды), создание финансовой зависимости от организации.
- Создание имиджа бескорыстия и благонамеренности (декларирование принципов свободы, равенства и братства).
- Использование специального антуража и групповых психотехник (у террористов — различные клятвы и посвящение с оружием, у сектантов — использование религиозных обрядов).

- Интенсивные методы агитации и рекламы с претензией на интернациональность.
- Привлечение максимального количества потенциальных членов, особенно среди молодежи.
- Однородные психические изменения у участников (деформация структуры личности под интенсивным психологическим воздействием).

Таким образом, религиозные тоталитарные культы представляют сегодня угрозу национальной безопасности России так же, как и терроризм. Действие тоталитарных культов можно признать разновидностью *психического терроризма*, включающего манипулятивные воздействия на психику человека с целью уничтожения его индивидуальности и корыстного подчинения поведения, управления эмоциями и волей. Психический терроризм — самая массовая форма несмертоносного оружия.

Именно из этого определения, думается, надо исходить, оценивая ущерб общественному и психическому здоровью нации, наносимый разрушительной деятельностью деструктивных сект. Не случайно сегодня даже в рутинных инструкциях для полицейских (МВД Франции) содержатся критерии тоталитарных сект, достаточные для начала уголовного преследования: манипуляция сознанием, покушение на физическое здоровье, навязывание разрыва с прямым окружением, непомерные поборы, вербовка детей, антиобщественные высказывания, нарушения общественного порядка, налоговые преступления, проникновения во властные структуры.

Можно выделить также следующие условия высокой толерантности к попыткам вовлечения в деструктивные культы: высокую социальную активность, хорошее образование, знание иностранных языков, доступ к разнообразным источникам информации, разнообразные виды деятельности, профессиональный карьерный рост, видение перспектив развития личности.

Если деятельность тоталитарных культов является исключительно психическим терроризмом, то любая форма терроризма может рассматриваться как психическое оружие, несущее сильнейшее эмоциональное разрушительное воздействие [13]. В основе выделения разных форм терроризма лежат такие критерии, как метод воздействия, мотивы, география, религия [1, 4]. Различают идеологический, религиозный, политический, ядерный, химический, физический, биологический, экологический, международный терроризм [5, 16]. К основным характеристикам современного терроризма относят: особую жестокость и фанатизм, использование новейших технологий, рост численности террористических движений, глобализацию масштабов деятельности, организованность и профессионализм.

Терроризм — оружие массового поражения, сочетающее непосредственный физический ущерб жертвам со значительным психологическим воздействием на социум. *Психический терроризм* — совокупность методов целенаправленного разрушительного воздействия на психику человека с целью реализации интесов агрессора.

Важнейшей особенностью психического терроризма является то, что это *несмертоносное оружие*, интерес к разработкам которого особенно проявился в начале 1990-х годов — после завершения эпохи «ядерного сдерживания». Несмертоносные технологии выгодно отличались от традиционных типов вооружения большей гуманностью и избирательностью воздействия, обратимостью и временностью воздействия — делая людей небоеспособными, они наносили минимальный ущерб, обеспечивали альтернативу [15, 18]. Декларируемые области применения этих технологий имели выраженный социальный рефрен: спасение заложников и контроль массовых беспорядков, личная защита и остановка транспортных средств, арест криминальных элементов [14, 19]. Большинство несмертоносных технологий [6] основаны на психофизиологических механизмах действия и сопровождаются психотравмирующим эффектом (табл. 2).

Таблица 2

Несмертоносные технологии с психотравмирующим эффектом

Оружие	Поражающий фактор
Паралитические спреи	Транквилизирующее и оглушающее действие, зловонный запах («выстрел скунса»), воспаления (Олеорезин капсикум, CS, «Пеппер»)
Нервно-паралитические газы	Оглушающее действие с выключением сознания, вестибулярные расстройства, тошнота (DN-газ)
Электрические устройства	Высокое (порядка 300 вольт) напряжение («Тейзер», шоковые пистолеты)
Микроволны	Высокий электромагнитный импульс, вызывающий оглушающий эффект
Инфразвук/ультразвук	Волны акустического давления, способные вызывать механические повреждения органов и систем, лишаящие боеспособности
Лазеры	Лазерная дубинка, вызывающая дезориентацию и временную слепоту
Акустический генератор	Громкий звук, приводящий к дезориентации
Оптические средства	Вспышечно-взрывные устройства, ослепляющие и дезориентирующие
Водометы	Маркированные красителем или электрифицированные струи воды, вызывающие дезориентацию и оглушение
Психологическое	Информационно-пропагандистские кампании, манипулятивное формирование индуцированных состояний и установок, в т. ч. на неосознаваемом уровне

Психологическое оружие — средства и методы профессионального воздействия на сознание и эмоционально-волеву сферу противника для достижения политических (экономических, религиозных и т. п.) целей. Именно это оружие является инструментом ведения *психологической войны* — специально организованного масштабного психологического воздействия на общественное сознание. Выделяют следующие условия эффективности информационно-психологической агрессии: асимметрия и доминирование, скрытность и латентность, внезапность и отсутствие правовых норм («война без правил»). Медицинские последствия такой агрессии — социально-стрессовые и психосоматические расстройства [2].

Свидетельством растущего политического, общественного и правового осознания проблемы явились парламентские слушания в Государственной думе ФС РФ «Угрозы и вызовы в сфере информационной безопасности» (1996), разработка Институтом психологии РАН по заказу Совета безопасности РФ проекта «Основы государственной политики в области обеспечения информационно-психологической безопасности» (2000), а также принятие Доктрины информационной безопасности РФ (Российская газета, 28.09.2000).

Актуальной задачей социальной психологии и социальной психиатрии сегодня становится разработка системы психологической защиты и обеспечения информационно-психологической безопасности личности и общества [3]. Справиться с этой задачей без эффективных институтов психопрофилактики и психогигиены в принципе невозможно.

В заключение приведем выдержку из выступления на Нюрнбергском процессе Германа Геринга — одного из самых зловещих психоманипуляторов прошлого столетия: «... народ всегда можно заставить делать то, что выгодно властителям. Это дело нехитрое. Все, что нужно сделать — так это сказать людям, что на них напали, и обличить пацифистов в отсутствии патриотизма, а также в том, что они подвергают страну опасности и предают ее интересы...». Бесславный конец этого деятеля убедительно доказывает, что любой наделенный властью манипулятор деформирует и разрушает как свою личность, свою политическую и человеческую судьбу, так и судьбу своего народа. Манипуляция — форма аутоагрессии и саморазрушающего поведения. Даже достигнутые на ее основе тактические победы не спасают от стратегического краха.

Список литературы

1. Авдеев Ю. А. Типология терроризма / Ю. А. Авдеев // Современный терроризм: состояние и перспективы. — М., 2000. — С. 55—57.
2. Александровский Ю. А. Психиатрия и психофармакотерапия / Ю. А. Александровский. — М.: ГЭОТАР-МЕД, 2004. — 304 с.
3. Грачев Г. В. Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита / Г. В. Грачев. — М.: PER SE, 2003. — 304 с.
4. Жаринов К. В. Терроризм и террористы: Справочник / К. В. Жаринов. — Минск: Харвест, 1999. — 606 с.
5. Кьеркегор С. Страх и трепет / С. Кьеркегор. — М.: Республика, 1993. — 383 с.
6. Левер Н. Несмертоносное вооружение / Н. Левер // Война или здоровье? — Архангельск, 2004. — С. 201—208.
7. Менделевич В. Д. Наркозависимость и коморбидные расстройства поведения. — М.: МЕДпресс-информ, 2003
8. Орел Н. А. Психологические механизмы влияния тоталитарных групп на личность: профилактика и преодоление зависимости / Н. А. Орел // Контроль сознания и методы подавления личности: Хрестоматия. — Минск, 2001. — С. 413—443.
9. Религии мира: Энциклопедия. — Белфакс, 1994.
10. Сидоров П. И. Социальные факторы и зависимость от психоактивных веществ / П. И. Сидоров // Руководство

по социальной психиатрии. — М.: Медицина, 2001. — С. 219—233.

11. Сидоров П. И. Социально-психологические аспекты сектанства / П. И. Сидоров, А. Г. Соловьев, Р. А. Бабкин // Российский психиатрический журнал. — 2001. — № 3. — С. 29—33.

12. Хассен С. Освобождение от психологического насилия / С. Хассен. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

13. Ястребов В. С. Терроризм и психическое здоровье / В. С. Ястребов // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. — 2004. — № 6. — С. 4—8.

14. Alexander J. Future War. Non-Lethal weapons in 21st century warfare / J. Alexander. — New York: St. Martin's Press, 1999.

15. Bailey W. Less-than-Lethal Weapons and Police-Citizen Killings in US Urban Areas / W. Bailey // Crime and Delinquency. — 1996. — Vol. 42, № 4. — P. 535—552.

16. Durodie B. Resilience or panic? / B. Durodie, S. Wessely // Lancet. — 2002. — Vol. 360. — P. 1901—1902.

17. Lifton R. J. Thought Reform and the Psychology of Totalism / R. J. Lifton. — New York: W. W. Norton and C., Inc, 1961.

18. Stanton M. Nonlethal Weapons: Can of Worms / M. Stanton // Proceedings. — 1996. — November. — P. 58—60.

19. The Future of Non-Lethal Weapons. Tehnologies, Operations, Ethics and Law / Ed. N. Lewer. — London: Franks Cass, 2002.

PSYCHIC TERRORISM AS A FORM OF NON-LETHAL ARMS

P. I. Sidorov

Northern State Medical University, Arkhangelsk

On the basis of the analysis of references and the author's own studies, the factors of mental ecology have been systematized, the levels of sociogenesis of social-stress disorders, types and characteristics of the main social groups have been singled out. At the example of totalitarian cults' activity, the scale of psychic terrorism has been shown, the stages of interaction with a psychomanipulator and the peculiarities of neophytes' secret psychological victimity have been described, the mechanisms of influence on a personality and the conditions of high tolerance to attempts of involvement into cults have been singled out. The model and the main routes of cult dependent behavior development have been proposed. Consideration of totalitarian cults activity as psychic terrorism and a form of non-lethal arms of mass destruction has been grounded. The main forms and characteristics of contemporary terrorism have been chosen. The psychotraumatizing effects of non-lethal technologies, the characteristics of non-lethal arms and spheres of its use have been systematized. Consideration of psychic terrorism and information-psychological aggression as dealing with the subject of social psychology and social psychiatry has been grounded.

Key words: faith, religion, the church, terrorism, psychological terrorism, non-lethal arms, psychological arms, psychological wars.